

ИНТЕРВЬЮ

Рассказ "азовца", пережившего взрыв в колонии в Оленовке: "В барак зашли, как нам сказали, электрики – что-то отремонтировать"

Сергей Горбатенко [Донбасс Реалии](#)

меньше минуты назад

Украинский военный с позывным "Карась", бывший пленный, которого содержали в Оленовке

Четыре года назад, в ночь на 29 июля 2022 года в одном из барakov колонии в Оленовке (Еленовке) на оккупированной Россией территории Донбасса, где российские власти держали украинских пленных, прогремел взрыв. Незадолго до этого администрация согнала в этот отдельный барак бойцов полка "Азов", захваченных в плен на заводе "Азовсталь" в Мариуполе. По данным украинской стороны, в результате взрыва погибли 57 украинских военнопленных, были ранены более 100 человек.

Россия заявляла, что удар по бараку якобы был нанесен ВСУ из РСЗО Himars. Киев и эксперты ООН это опровергали: по их версии, [взрыв был внутри барака и был организован именно российскими властями.](#)

Украинская служба Радио Свобода поговорила с офицером 12-й бригады "Азов", защитником Мариуполя и бывшим украинским военнопленным, который смог выжить при взрыве в барак в Оленовке. Он рассказал, что до взрыва в барак "зашли, как нам сказали, электрики, чтобы что-то отремонтировать", а после взрыва металлическая крыша барака, где содержали пленных, была "раскрыта изнутри наружу". Это, по его мнению, подтверждает версию, что взрыв был именно внутри.

"Они решили просто какое-то количество наших убить и подать это как последствия того, что наши стреляли", – рассказал военный.

Собеседник Радио Свобода носит позывной "Карась". Ему 36 лет, он родом из Херсона. С июля 2014 года он воевал в рядах добровольческого батальона "Айдар" на Донбассе, затем – в 93-й бригаде и в национальной гвардии Украины. С мая 2018 стал бойцом "Азова": участвовал в боях под Луганском, возле Донецкого аэропорта, на Светлодарской дуге.

После начала полномасштабной войны России и Украины "Карась" защищал Мариуполь, был среди защитников "Азовстали". В конце мая 2022 года после того, как украинские военные в Мариуполе получили приказ сдаться, "Карась" попал в плен. Домой он вернулся в результате обмена 6 мая 2023 года. Через несколько месяцев военный снова вернулся в строй. Сейчас он – заместитель командира батальона на Донбассе, занимается боевой подготовкой личного состава и формированием резервов.

"У нас "отжали" Крым. И я решил, что нужно что-то делать"

– Кем вы были на "гражданке"?

– После школы на заводе я получил профессию токаря. Однако я всегда хотел пойти в армию. Мы в младших классах раз в неделю ходили к ветеранам Второй мировой войны: помогали им с делами и записывали то, что они рассказывали. Меня тогда поразил сам факт того, что люди пошли защищать свой дом, свою страну против захватчиков, напавших тогда на Советский Союз, на Украину. И у меня тоже возникло желание пойти воевать, в армию. Но на срочную службу меня не взяли – услышали какие-то шумы в сердце и поэтому не допустили к службе.

– Когда вы присоединились к украинской армии?

– Сначала я присоединился к Майдану: периодически посещал там друзей. А потом у нас "отжали" Крым. И я решил, что нужно что-то делать. А еще уже тогда были разговоры, что Россия захочет сделать сухопутный коридор в Крым по суше – через

Донецкую, Херсонскую области. Я сам из Херсона, это мой дом. И я решил пойти в армию добровольцем.

Поездил по некоторым военкоматам, меня нигде не захотели брать. А по факту АТО (война на Донбассе против пророссийских сепаратистов и российских военных в 2014-2022 годах) уже началась. И тогда я поехал на Майдан, потому что мне сказали, что можно через Майдан попасть в ряды одного из добровольческих батальонов. В начале июля 2014 года я записался в ряды батальона "Айдар" (в декабре 2023 года батальон [внесли в России в список "террористических" организаций](#)).

Затем один из моих сослуживцев перевелся в "Азов" и предложил перевестись и мне. Я съездил на беседу к командиру полка, с мая 2018 года начал службу в "Азове".

– Где вы встретили полномасштабное вторжение? Помните, что почувствовали в тот день?

– Нас по тревоге 23 февраля вечером сняли с базы в Гурзуфе (село в Мангушской общине Мариупольского района Донецкой области Украины), мы переместились в район Ялты (село на берегу Белосарайского залива при впадении реки Мокрая Белосарайка в Азовское море, примерно в 25 км от Мариуполя). Я слышал, как прилетели ракеты в район Мариуполя. Затем большую часть нашей роты перебросили на блокпост в Мангуше. Там мы ждали дальнейших приказов, встречали военных, которые оттягивались из Бердянска. Затем решили стягивать силы в район Мариуполя, чтобы держать этот город.

СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

История Дениса Сторожука. Он бежал с "Азовстали" через канализацию, чтобы не попасть в плен, и год жил в оккупации, передавая данные ВСУ

"Большое количество боеприпасов прилетало на вертолетах"

– Когда вы держали оборону в Мариуполе, вы верили, что прорыв возможен?

– Из Мариуполя многие гражданские в начале даже не пытались уезжать. Они ожидали, что мы их защитим, а у россиян ничего не получится. Месяц-полтора была надежда на то, что к нам прорвутся и сделают для нас какой-нибудь коридор.

В дальнейшем, в плену, я слышал от россиян, что они целенаправленно не выпускали гражданских из города – чтобы было больше потерь среди гражданского населения. Но многие просто не знали, как уехать или не имели, на чем уехать. Или надеялись, что эта ситуация долго не продлится.

Вечером 24 февраля мы переместились на окраину Мариуполя. Я как командир противотанкового взвода поездил по позициям, расставил с ребятами огневые средства и остался на КСП. В дальнейшем я был на позиции на предприятии "Азовинтекс" на выезде из города в сторону Мангуша. После ранения старшего на этой позиции ей начал командовать я, и находился я там до 10 апреля. Затем у нас остался единственный путь ухода, и возникла опасность окружения, поэтому поступил приказ на оттяжку. В ночь на 14 апреля у нас сформировалась колонна из уцелевшей техники, и мы оттянулись на "Азовсталь".

– Насколько "Азовсталь" была пригодна для обороны?

– "Азовсталь", насколько я знаю, строили, как и Комбинат Ильича, с учетом возможной будущей ядерной войны, чтобы там можно было организовать оборону. Там было большое количество подземных коммуникаций, подземные постройки. Мы переместились на завод на 4-й или 5-й этаж под землей.

Очень хорошо, что командование решило держать оборону именно на "Азовстали", ведь она была, по крайней мере, для этого пригодна.

СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

История морпеха, который выбрался из оккупированного Мариуполя: "Рассказал, что приехал к бабушке с учебы, а дома нет, и бабушки нет"

– Какую тактику российские войска применяли во время штурмов "Азовстали"?

– Авиация постоянно, артиллерия, артиллерия с моря, постоянные штурмы, штурмы, штурмы. Россияне никогда не славились тем, что ценят свой личный состав. В Мариуполе, еще до нашего ухода на "Азовсталь", было много случаев, когда их пехота прикрывала собой БТРы, а не наоборот, как должно быть: "коробка" должна прикрывать пехоту. А у них пехота шла впереди перед БТРом. Потому что, я так понимаю, россиянам БТР был важнее пехоты. Бросать людей "на мясо" им ничего не стоило.

– Много ли было потерь со стороны войск РФ во время штурмовых действий?

– Очень много. Они и техники там многое потеряли. У меня там ребята по расчету СПГ постоянно просили именно осколочные снаряды, потому что шло большое количество пехоты. Одну группу уничтожили – по телам идет следующая группа. Ее тоже уничтожают. И ребята просят: "Дайте осколочные, дайте осколочные".

– Вы там воевали в полной осаде, как вам доставляли боеприпасы? Вертолеты к вам прорывались?

– В начале марта мы уже были в полной осаде. Были вертолеты, и большое количество боеприпасов и средства связи прилетало на этих вертолетах.

СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

"Абсолютно героические операции, об этом можно снимать фильмы". Экс-командир "Азова" – о попытках спасения военных с "Азовстали"

– Что вы почувствовали, когда получили приказ на выход с "Азовстали"? Как люди реагировали?

– Я почувствовал немного облегчение, надежду. Нам же говорили, что мы по договоренности с Россией идем в плен на 3-4 месяца. При этом все прекрасно понимали, что договоренности с Россией ничего не стоят. Но тогда была надежда, что эти бои уже закончились, нас обменяют, и мы вернемся домой, на "большую землю".

– Как происходил выход из "Азовстали", что вы видели?

– Мы шли по дороге возле "Азовстали". Там нас встречали, наверное, ФСБшники, "спецура" какая-нибудь. Когда мы шли в колонне, они спрашивали, кто из нас из "Азова". Мы поднимали руки, нас отвели в сторону, на камеру записали наши звания, должности, фамилии, имена и отчество. Прошли дальше, там прошел обыск, чтобы мы не вынесли из "Азовстали" оружие и боеприпасы. Потом нас усадили в большие автобусы и перевезли в Оленовку.

В плен в Мариуполе попали около 1400 "азовцев"; по состоянию на май 2026 года из них [освободили](#) менее 600

"В барак зашли, как нам сказали, электрики, чтобы что-то отремонтировать"

– Что вы увидели в Оленовке?

– В (колонию) в Оленовку я попал 19 или 20 мая. До войны это была законсервированная зона, а в начале полномасштабной войны ее открыли и свозили туда военнопленных.

Сначала всех нас свозили в один из барakov. До нашего прибытия там уже были военнопленные. В двухэтажном здании нас забросили на второй этаж. Там была большая комната и большое количество ребят. Я спал в проходе между кроватями, "валетом" с сослуживцем. Комната была рассчитана на 40 человек, но там было 400 человек.

Потом нас уже распределили по другим баракам. Я находился в крайнем бараке, когда пришли со списком. Собрали около 200 человек и перевели в барак, который в дальнейшем стали называть "барак 200" (именно в нем произошел взрыв – ред.).

– Как в Оленовке к вам относились: допрашивали, пытали?

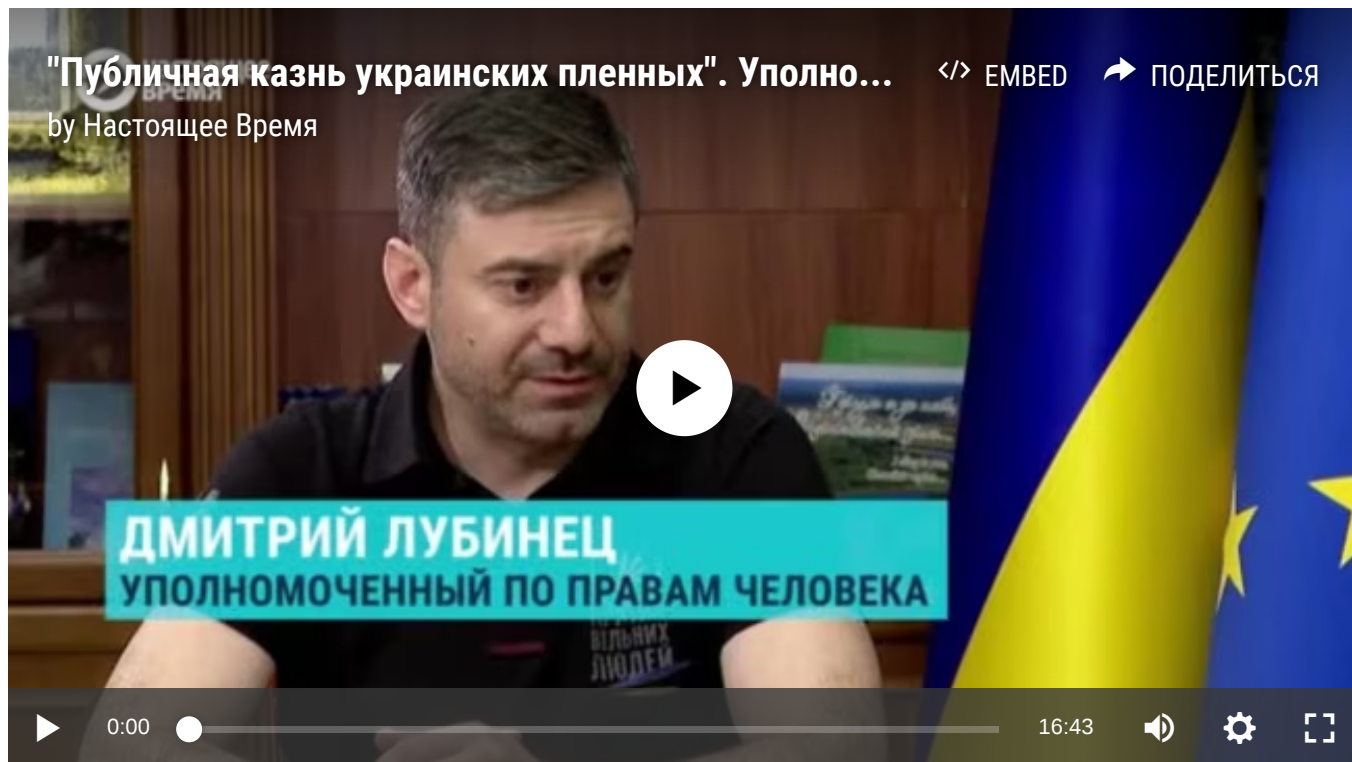
– Ко мне избиения, пытки не применяли. Но моего заместителя командира роты забрали на допрос, и потом принесли на носилках в медицинский барак: его очень сильно избили, он даже не мог ходить, терял сознание. У нас взяли мазок слюны (так обнаруживают инфекции – ред.), пофотографировали нас, татуировки, отпечатки пальцев сняли, провели поверхностные беседы.

– Медицинскую помощь вам оказывали?

– Россияне сразу отобрали ребят-медиков из числа военнопленных. Они каждый день совершали обход барakov и оказывали помощь раненым. Но по сути они делали это теми медикаментами, которые у них были на момент выхода из "Азовстали". Может, им еще что-то давали русские, но я этого не видел.

– Вы уже загадали, что пришли россияне со списком и переместили вас в отдельный барак. Как это было?

– Где-то 24-25 июля россияне пришли со списком. Ребята подумали, что, наверное, будет обмен. А нас прямо из жилой зоны перевели в промышленную (зону колонии), туда, где когда-то производили какую-то продукцию. Это передвижение они никак не объясняли. Впоследствии они сказали, что было большое количество людей в баракax, и нас перевели, чтобы их разгрузить.

– В этом бараке были только бойцы "Азова"?

– Да. Только "Азов". Насколько я помню, нас было 197-198 человек, и нас перевели в эту промзону. Это был просто металлический ангар, где когда-то стояли станки, возможно, токарные или фрезеровальные. Станков уже не было, там просто стояли двухъярусные кровати без матрасов. Потом нам раздали матрасы, и мы разместились.

В тот же день нам всем сказали, чтобы мы вышли из барака. Мы были на прилегающей территории. В барак зашли, как нам сказали, электрики – что-то отремонтировать. Когда они там закончили, мы вернулись. Начали все осматривать: может, что-то изменилось? Но изменений никто не увидел. Это было днем. А в ночь с 28 на 29 июля произошло три взрыва.

– Что было после взрывов?

– Пожар. Большое количество погибших ребят. Эвакуация раненых. Там боец из моей роты погиб, Константин [Истратов](#), он тоже был из Херсона.

Я так понимаю, что дежурные (колонии) не знали о случившемся. Возможно, они подумали, что взрывы – это бунт, попытка побега. Они начали нам угрожать, стрелять в воздух, сказали, чтобы мы не выходили за ворота (промзоны) – в противном случае, они мол, будут открывать огонь на поражение.

Еще до этих событий они обустроили себе пулеметную позицию, расположенную напротив входа в этот "барак 200". И когда произошли взрывы, они с этой позиции

("спецура" какая-то там была) сами убегали. Возможно, они и сами не знали, что такое должно произойти.

Часов не было, я не могу сказать, сколько времени прошло до того момента, когда уже пришли наши ребята, военнопленные медики (их пригнали к нам), чтобы нам оказывать помощь. И, пока мы находились у ворот, у нас еще человек пять погибли. У них были очень тяжелые ранения, они погибли без должной помощи.

– Во время этих событий, что вы делали?

– Сначала помогал эвакуировать ребят: несколько раз выносил ребят к воротам промзоны, возвращался в барак и еще искал. Однако там уже был большой пожар. Также я пытался найти хотя бы какую-нибудь одежду, потому что все выбежали, кто в чем был. Хотя это и лето было, на Донбассе холодные ночи, и я искал вещи, чтобы хоть что-нибудь надеть. И раненых ребят надо было согреть, чтобы они не теряли тепло.

СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

Журналисты выяснили, кто пытал пленных "азовцев" в колонии в Оленовке: "Двое украинцев, которые предали присягу"

– Вы говорите, что было три взрыва. По вашему мнению, это были прилеты или что-то детонировало внутри?

– Это что-то сдетонировало. Когда я возвращался в барак в поисках уцелевших ребят и одежды, я видел, что металлическая крыша была раскрыта изнутри наружу.

А еще у зоны россияне постоянно выставляли какие-то артиллерийские установки и работали в сторону наших сил. Перед этими взрывами они с другой стороны зоны отработали, насколько я слышал, из РСЗО. Возможно, поэтому взрывы в нашем бараке они в дальнейшем решили подать как то, что, мол, наши силы отработали в ту сторону, откуда велся огонь.

– Как вы думаете, зачем было устраивать взрывы в бараке? Каких целей хотел добиться Кремль?

– Они решили просто какое-то количество нас убить и подать это как последствия того, что наши стреляли.

– Но ведь отсортировали именно "азовцев"?

– Да. "Азов" им где-то поперек горла стоит. И будет стоять.

– Что вы увидели, когда наступило утро?

– 29 июля утром в барак нас уже не пустили. Приехали грузовики и забрали тяжелораненых. Потом я узнал, что их отвезли в госпиталь в Донецке. А уцелевших и легкораненых (нас осталось около 50 человек), не нуждавшихся в эвакуации, отвели в ДИЗОи разместили в двух камерах. Там было место людей на 8-10. А в одной нас было 27. Кроватей там не было, были просто набросаны деревянные поддоны.

– И как вы там разместились?

– Штабелями... Знаете, когда лежишь на одной стороне, залежался и надо перевернуться, – говоришь другим, чтобы они тоже переворачивались.

Затем добровольно-принудительно они нас подводили к сотрудникам их СК, и мы объяснения писали, что, мол, с нашей точки зрения, наши силы обстреляли нас.

– Вас заставляли так писать?

– После того, что произошло, хотелось все-таки остаться в живых и, да, мы подписали это. Мы писали от руки то, что они говорили.

В этом ДИЗО я пробыл 2-3 дня. 1 августа меня вывели из камеры, вывели на плац, выдали мои вещи (крест с цепочкой и наручный браслет). И нас, около 200 человек, перевезли в Горловку.

Более 50 погибших и около 140 раненых – таковы последствия взрывов в ночь с 28 на 29 июля 2022 года в бараке исправительной колонии в Оленовке, где содержались пленные бойцы "Азова". Миссию ООН, которая должна установить обстоятельства трагедии, была распущена через 5 месяцев после создания "из-за отказа России сотрудничать и предоставлять гарантии безопасности".

Международный комитет Красного Креста не признал ответственность России за теракт в Еленовке.

По версии России, в барак попали ракеты РСЗО HIMARS. Но авторы [доклада](#) Мониторинговой миссии ООН по правам человека заявили, что взрывы в Оленовке не были вызваны запуском украинскими силами ракеты HIMARS, как утверждала российская сторона.

"Я увидел, как он достает из сумки фаллоимитаторы и сказал: "Я все подпишу"

– В Горловке условия содержания военнопленных отличались от Оленовки?

– Вот "приемка" Горловки – там все и началось: избиения, издевательства и так далее. Они знали, что я из "Азова", у них было желание избить, убить "азовца". А у меня "идея нации" (символ "Азова") была набита на бицепсе на руке.

Допросы и избиения и на "приемке" были, а потом еще периодически. Я там до 16 августа пробыл. А потом меня и бойца-пограничника, который в Мариуполе был, погрузили в воронок." и перевезли в Таганрог. В Таганроге вообще жесть началась. И издевательства, и пытки и электрошокером и "тапиком" (подключение проводов от полевого телефона). И просто постоянные избиения. Я еще в Таганроге был одним из первых "азовцев", которых туда доставили, плюс весь в татуировках.

СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

Украинские военнопленные рассказали о пытках в ИК-10 в Мордовии: их били электрошокером, избивали трубой и травили немецкими овчарками

На меня уже были готовы уголовные дела, однако я не соглашался с обвинениями в гражданских убийствах. Они обвиняли меня в том, что я якобы отдавал команду на открытие огня по автомобилю гражданскому, и будто там погибли люди гражданские. На большинство ребят военнопленных [они "вешали" такие дела](#). Были пытки из-за того, что я это не подписывал.

И мне говорит один: "Ты молодец, хорошо держишься. Но мы и не такие ломали". И тут я увидел боковым зрением, как он достает из сумки фаллоимитаторы. И я сказал: "Нет, все, я все подпишу".

– Что вы почувствовали, когда узнали об обмене?

– Обмен состоялся 6 мая 2023 года. Надежда была, но все равно как-то не верилось. Мне завязали глаза, связали руки и привезли в район аэропорта в Таганроге, я слышал звуки самолетных двигателей. Стояли мы там долго, ребят еще довозили. Потом нас погрузили в самолет.

Рядом со мной сел собрат, с которым я до полномасштабки жил в одной комнате – боец "Азова" Женя Чуднецов, я узнал его голос. Это был уже второй его плен, и я обрадовался, что его обменивают.

Нас привезли в Белгород, затем погрузили в автобусы и привезли в район контрольно-пропускного пункта на границе между Россией и Украиной.

Потом нас привезли в Киев, разместили в госпитале, на следующий день приехали родные, встретились с ними с радостью. Тут выяснилось, что по спискам "Карась" проходил как "200" (погибший – ред.), но родные верили, что я жив. Путаница была из-за того, что у меня с детства было такое прозвище и позывной такой тоже был, но в плену по бумагам у меня был другой (псевдоним), потому что в плену был боец с фамилией Карась. После взрыва в "бараке 200" в Оленовке тот Карась был ранен, мы его вынесли к воротам промзоны, но у ворот он скончался.

– Как пребывание в плену сказалось на вашем здоровье?

– Полное восстановление у меня отняло времени с мая до начала ноября. У меня от избиений бедро было вдвое больше, чем сейчас, – опухшее было; от постоянных избиений на кости выросли гематомы, и я не мог спать на этой ноге. Мне операцию сделали на ноге. Теперь уже даже бегать могу. Было 8 сломанных ребер, но они еще в плену срослись.

Читай нас в Телеграме

ПОДПИСАТЬСЯ

МАТЕРИАЛ ИЗ РАЗДЕЛОВ:

Видео и статьи

Интервью

Украина